

1001 вопрос по поводу логической структуры пословиц

А. Крикманн

(Неопубликованный оригинал переводной статьи: 1001 Frage zur logischen Struktur der Sprichwörter. *Semiotische Studien zum Sprichwort. Simple Forms Reconsidered I. Special Issue of Kodikas/Code – Ars Semeiotica. An International Journal of Semiotics.* Vol. 7, No. 3/4 (1984), pp. 387–408)

Wenn Seitel schon von “logischer Struktur“ und “logischen Beziehungen“ redet, warum verwendet er dann keine logische Struktur-Formeln?
D. Burkhart-Chatzeeliades [22, 154]

1. Пословицы, это – формулы!

Пословицы как формы и продукты народного мышления, как своего рода философские, этические, социальные, педагогические, медицинские, хозяйственные, ботанические, метеорологические и прочие суждения, давно привлекли внимание исследователей не только как обычный объект фольклористического или лингвистического анализа, но и как обнадеживающий источник для исследования народного мировоззрения и весьма интересный феномен логического порядка. Предпринимались даже попытки проследить исторический процесс развития форм народного мышления на основании пословиц [напр., 16].

Не удивительно, что на фоне становления и бурного развития символической логики, генерализации структуралистической парадигмы исследования в языкознании, антропологии и поэтике и всеобщей математизации гуманитарных дисциплин сильно возрос интерес и к структуральным аспектам паремий, в том числе к проблемам их логической структуры. Тяга к выработке некой формализованной транскрипции пословиц усугубляется, к тому же, и спецификой формы самих пословиц – многие из них на самом деле прямо поражают своей простотой, симметричностью, «узорностью», формулообразностью. Так, *Дело есть дело* очень естественно мыслится как $A = A$, *Голод не тетка* – как $A \neq B$, *Своя краяха лучше чужого каравая* – как $A(x) > B(\bar{x})$ и т.д., и т.п. Это тем заметнее, что многие формы – т.н. «синтаксические формулы» [ср. 31] – очень продуктивно повторяются как в фонде некоего отдельного народа, так и в интернациональном материале.

Приведем, к примеру, несколько подобных стереотипов:

- (1) A p -ет (т.е. подлежащее + сказуемое);
- (2) A p -ет B (т.е. подлежащее + сказуемое + дополнение);
- (3) ... (4) их отрицательные аналоги;
- (5) A узнается по B ;
- (6) У каждого A свое B ;
- (7) A есть B для C ;
- (8) A напоминает (\sim похож на) B ;
- (9) ... (10) уже приведенные A есть A и A – это не B ;
- (11) Из A не получится B ;
- (12) A не имеет B ;
- (13) Не каждый A есть B ;
- (14) Все A суть B , кроме...;
- (15) A лучше (\sim важнее, \sim больше и т.д.), чем B ;
- (16) Скорее p -ет A , чем B ;
- (17) разные имплицативные эллипсисы типа *First come, first served*;
- (18) Если есть A , будет и B ;
- (19) Когда A p -ет, то B q -ет;
- (20) Каково A , таково и B ;

- (21) Где A , там и B ;
- (22) Кто p -ет, тот и q -ет;
- (23) Чье A , того и B (\sim У кого..., у того...);
- (24) Кого p -ют, того и q -ют;
- (25) Что p -ется, то и q -ется;
- (26) Чем p -ее (напр., раньше), тем q -ее (напр., лучше);
- (27) A и B имеют общий признак p ;
- (28) Не A p -ет, а B p -ет;
- (29) Не A p -ет B , а B p -ет A ;
- (30) A есть B , но B не есть A ;
- (31) конструкции типа *drei Dinge*;
- (32) разные другие трехдольные структуры, где, например,:
 - (a) компоненты I ... III образуют градацию (эллипсис, литоту), или
 - (b) I и II компоненты являются в некотором смысле «одноименными», III же противопоставляется им обоим, или
 - (c) имеется параллелистическая конструкция, состоящая из трех синонимных имплицативных структур, примерно $(A_1 \supset B_1) \& (A_2 \supset B_2) \& (A_3 \supset B_3)$;
- (33) еще более длинные цепи с разной внутренней организацией компонентов (синтагм, предложений);
- (34) большое количество разных риторико-вопросительных конструкций, понимаемых как отрицания (напр., *Где видано...?* = ‘нигде не видано...’, *Когда у ...?* = ‘у никогда...’ и т.п.);
- (35) конструкции, содержащие компоненты деонтического порядка (императивы, формулировки норм), напр.:
 - (a) Каждый должен делать A (\sim Запрещено делать... \sim Никогда не делай... и т.п.);
 - (b) Если сделал A , сделай и B ;
 - (c) Делай A , но не делай B ;
 - (d) Делай всё, но не делай A ;
 - (e) Хотя и A , всё же не делай B ;
 - (f) Сперва делай A , а потом уж B ;
 - (g) Не делай A , пока нет B ;
 - (h) Делай A – получишь B ;
 - (i) Не делай A , иначе случится B ;
 - (j) Если хочешь A , должен делать B ;
 - (k) Если не хочешь A , не делай B ,

плюс многие-многие стереотипы более локального характера, связанные со строением конкретного языка и с конкретной риторико-поэтической традицией.¹

В течение последних тридцати лет проблемы структурной организации (структурных уровней анализа, логической, синтаксической и семантической структуры) паремий были затронуты либо специально рассмотрены многими авторами, например, В. С. Баевским, Н. Барли, Д. Буркхарт, С. Голопенцией-Эретеску, К. Григасом, А. Дандисом, О. Зихом, З. Каньо, Э.-К. Кёнгас-Маранда, Б. Киршенблатт-Гимблетт, М. Кууси, Ю. И. Левиным, В. Мидером, Дж. Б. Мильнером, К. Негреану, Г. Л. Пермьяковым, Р. Прибе, П. Сайтелом, Б. Сильверманн-Вайнрайх, Д. Станчу, А. Сэмеркени, В. Фойтом, М. А. Черкасским, Х. Ясон и др. Разумеется, у меня нет решительно никакой возможности дать здесь хотя бы в некоторой степени систематический обзор работ на эти темы во всей многоликости их источников, целей, методик и результатов. Ограничусь лишь изложением некоторых проблем и соображений, касающихся исключительно методики и перспектив логического анализа пословиц. Основным ферментом и актуализатором для моих мыслей служил логический анализ немецких пословиц, предлагаемый в монографии Золтана Каньо [27], но по мере необходимости и возможности буду ссылаться и на работы других авторов.

2. Пословицы, это – обобщающие импликации

Следует только пожалеть, что труд Каньо смог увидеть свет с семилетним опозданием, когда некоторая часть приведенных в нем анализов (я имею в виду те, которые выполнены в духе трансформационной грамматики) успела уже потерять свою методологическую новизну. Тем не менее, книга и сейчас производит глубокое впечатление злободневностью затронутых проблем, исключительной информативностью и невероятной эрудицией автора. Вводная часть монографии свободно могла бы служить не только самостоятельным введением в структуральную паремиологию [27, 71 и сл.], но и прекрасным очерком методологических источников и истории становления современной «экзактной» гуманитарной науки в целом [27, 13–71], а список использованной литературы (свыше 600 названий!) составляет почти что сводную библиографию классики по этим предметам.

В чисто логической части своей работы [27, 98–133] Каньо также удалось – первым из паремиологов, насколько я знаю – уловить нечто очень фундаментальное в логической сущности пословиц. Притом я не могу согласиться с В. Фойтом, когда он считает главной теоретической заслугой Каньо не само установление «основной логической формы» пословицы, «а тот метод, при помощи которого Каньо на основе данной дефиниции выявляет 35–40 разновидностей реально существующих пословиц...» [13, 171]. Наоборот, на чисто логическом уровне анализа Каньо, на мой взгляд, всё же не выводит другие, наиболее сложные формулы из своей основной формулы, а постулирует их с помощью своих аксиом (1) ... (9), вводя всё новые и новые допущения. То есть, хотя во всех формулах и соблюдаются некие общие условия (облигаторность наличия квантора общности или же нахождения его на первом месте в ряду кванторов, доминирующая позиция знака импликации в самом подкванторном выражении), всё же формулы с наиболее сложной внутренней структурой следует, по-видимому, понимать как параллельные или альтернативные относительно простейшей «основной формулы», а не как произведенные из нее, не как «этические» разновидности одной и той же «эмической» конструкции, до которой с помощью подходящей системы правил могли бы быть сведены в принципе все тексты пословиц, включая самые «сложные» по манифестации поверхностной структуры.

Зато самая общая (простая) логическая формулировка пословицы у Каньо² –

$$\forall x (Px \supset Qx)$$

имеет большую эвристическую ценность. Этим пословицы приобщаются к классу общих утверждений, т.е. классу утверждений о закономерностях, что является интуитивно весьма приемлемым в качестве логического «первого приближения» пословицы.³ Приведу хотя бы несколько моментов в доказательство полезности данной конструкции.

1. Формула Каньо дает хорошую отправную точку для формального определения пословицы как жанра, как коммуникативного феномена, и для различения ее от таких смежных «малых жанров», как поговорка или загадка. Соотношения пословицы с загадкой могут, как оказывается, быть тесными по меньшей мере в некоторых культурах и традициях [20; 31; 34], но соотношения пословицы с поговоркой являются тесными по меньшей мере в большинстве традиций, которые вообще оперируют паремиями. Поэтому начну с некоторых вводных соображений по этому поводу.

Поскольку фразеологические единицы «более низких порядков» могут входить в состав пословиц в качестве подструктур и даже одни и те же готовые «содержательно-метафорические блоки» могут в традиции оформляться то как пословицы, то как поговорки, то для их различения мы явно не можем пользоваться никакими иными (поэтическими, тематическими и проч.) критериями, кроме логических или синтаксических. В этой связи хотелось бы сделать несколько уточнений по поводу выдвинутых Пермяковым критериев синтаксической замкнутости / незамкнутости паремий и логической обобщенности / необобщенности паремических высказываний. Пермяков считает, что именно первый из этих критериев применим для отличия пословиц от поговорок: поговорки суть синтаксически «незаконченные»

и/или дейктические выражения, клишированные не полностью, т.е. имеющие некоторые «пустые места» или «свободные валенции» для включения их в речевой контекст, пословицы же – синтаксически замкнутые, не-дейктические, полностью клишированные предложения [см. 11, 9–12; ср. 9, 12–18].

Синтаксический критерий работает хорошо в большинстве случаев, но не всегда.

С одной стороны, некоторые синтаксически «недостаточные», эллиптические конструкции имеют хорошие шансы пониматься в контексте как обобщающие, т.е. пословицы, или даже только как пословицы. Например, эстонская *Хворь богатого и (~ или) пиво бедного* (EV 9715) понимается только как обобщающая, с мысленными или эксплицированными прямо в тексте дополнениями типа ‘это одно и то же’, ‘являются редкими’ – ср. *Болезнь богатого и пиво бедного слышатся далеко*. Может быть, то же самое относится и к русской *Молодо – зелено*, когда она толкуется как сокращение от полного *Молодо – зелено, погулять велено* (напр. Ж 226). «Жанровые предпосылки» эллипсиса, конечно, зависят от возможностей его приемлемой синтаксической интерпретации, а те, в свою очередь, от его лексико-семантического состава. (Напр., немецкая *Honig im Munde, Galle im Herzen* (W II 767: 29) может мыслиться как ‘У него «мед...», но «желчь...»’ или же ‘У кого «мед...», у того «желчь...»’, но не как ‘Если нечто «мед», то оно находится «во рту», а если «желчь», то находится «в сердце»’.) В принципе пословичный эллипсис может реализоваться в контексте по меньшей мере в одной из следующих интерпретаций (допускаем здесь, что $x = \text{‘человек’}$):

- (a) $\exists x (Px \ \& \ Qx)$ ‘о ком-либо утверждается, что ему присуще P (но) и Q ’;
- (b) $\exists x (Px \supset Qx)$ ‘о ком-либо утверждается, что если ему присуще P , то и Q ’;
- (c) $\forall x (Px \ \& \ Qx)$ ‘утверждается, что всем людям присуще и P и Q ’;
- (d) $\forall x (Px \supset Qx)$ ‘утверждается, что каждому, кому присуще P , присуще и Q ’.

С другой стороны, логически амбивалентными являются и частные замкнутые предложения. Судить о «формальной» синтаксической замкнутости / незамкнутости выражений – по меньшей мере в языках т.н. европейского стандарта – достаточно просто. С дейксисом дела обстоят несколько сложнее. Пословицы в их нормальном обиходе функционируют не как лозунги, «настенные стихи» или книжные авторские сентенции, а составляют некие элементы обычной связной речевой коммуникации. А в когнитивных процессах, включая речевое общение, происходит постоянный прием новой информации и приобщение ее к уже имеющейся путем бесконечных актов предикации.⁴ Таким образом, в коммуникативном или прагматическом плане являются «дейктическими» и такие синтаксически бесспорно замкнутые предложения, как обычные хрестоматийные *Собака бежит по дороге* или *Мальчик потерял свой красный мяч*, поскольку надо предполагать какие-то прагматические причины для их употребления. То есть, по отношению к предшествующему ко- и/или контексту⁵ *собака* и *мальчик* являются уже «референтными». Сказанное в равной мере касается и таких пословичных текстов, как *Близок локоть, да не укусишь*; *На воре шапка горит*; *Горшок котлу смеется, а оба черны*; *Овчинка не стоит выделки* и множество других. Далее, оказывается, что и такие тексты могут интерпретироваться не только как дейктические (а тем самым и незамкнутые), но и как обобщающие, т.е., в принципе совершенно аналогично с эллипсисами: ср.

характеристика частной ситуации

‘вот дело – «близок локоть», но...’
 ‘эта «овчинка» не стоит...’

обобщение

‘часто бывает так, что «близок локоть», но...’
 ‘«овчинка» как таковая не стоит...’

Поэтому представляется целесообразным признать существование жанрово неопределенных текстов на стыке пословицы и поговорки и осмыслить дистинкцию пословица / поговорка не как дистинкцию определенных синтаксических видов самих выражений, а как дистинкцию логически различных способов внесения фразеологической информации в ко- и/или контекст (которым, в общем, соответствуют те или другие синтаксические типы паремий). В формальном выражении это могло бы тогда выглядеть примерно таким образом (мы включим сюда и загадку, хотя она значительно отличается от остальных по своей коммуникативной структуре):

пословица: $\forall x (x = a) (Px)$ ‘здесь, как и в общем, происходит нечто, могущее фразеологически выражаться как Px ’;

поговорка: $\exists x (x = a) (Px)$ ‘здесь происходит нечто, могущее фразеологически выражаться как Px ’;

загадка: [вопрос:] $?\exists x (Px)$ [ответ:] $(x = a)$
 ‘[вопрос:] существует ли нечто, могущее метафорически выражаться как Px ? [ответ:] это есть a ’.

Интересно, что для «здорового смысла», когда он оперирует понятиями ‘описание’ и ‘вывод’, кондиция существования как-то естественным образом сочетается с конъюнктивностью, а кондиция всеобщности – с имплицативностью. Например, из приведенных выше 4х толкований эллипсисов (a) и (d) воспринимаются как намного более естественные и легче интерпретируемые, чем (b) и (c). Таким образом, самыми типичными общими формулами для пословицы и поговорки могут считаться, соответственно,

$$\forall x (x = a) (Px \supset Qx) \quad \text{и} \quad \exists x (x = a) (Px \& Qx).$$

(Принципиальный способ записи фразеологизма непословичного типа через квантор существования и конъюнкцию также имеется у Каньо [27, 101 и 105].⁶

2. Формула Каньо позволяет создать формализованную экспликацию вариантов актуализации пословиц, различающихся по своей инфоструктуре [ср. 6, 100–101]. Если, например, a = ‘Петр’; P = ‘работает’; Q = ‘ест’ и $\forall x (Px \supset Qx)$ означает пословицу («закон») *Кто работает, тот ест*, то можем записать следующие варианты актуализации:

	(1) прогноз	(2) объяснение (ретросказание)	(3) подтверждение закона
дано:	Pa	Qa	$Pa \& Qa$
говорится:	$\forall x (Px \supset Qx)$	$\forall x (Px \supset Qx)$	$\forall x (Px \supset Qx)$
вывод:	Qa	Pa	$\forall x (Px \rightarrow Qx)$ подтверждено

3. Коварство пословицы и легковерие исчисления предикатов

3.1. Вместо введения

Что касается более конкретных аспектов логического анализа пословиц, то здесь беспокоиться о нехватке проблем и трудностей не приходится, начиная с таких фундаментальных вопросов, как цель и практическая польза подобного анализа, и кончая с проявлением недостатка «выразительных средств» в логическом языке описания.

В паремииологии пока нет особого единства мнений о таких главнейших аспектах или уровнях, которые должны быть выведены из общей эмпирической картины бытования пословиц (часто говорится о таких аспектах, как текст, форма, содержание (смысл / значение), употребление, функция и т.п.), каким путем их «найти» и отличить от остальных, каковы их соотношения и т.д. Охотно применяется термин *структура пословицы*, говорят, например, об ее семантической, поэтической, риторической, синтаксической, логической структуре, но нет заметной ясности в том, что в пословице относится к тому или другому структурному уровню – напр., перечисленные выше (с. 1–2) «синтаксические формулы» имеют, по-видимому, некоторое отношение ко всем из этих уровней. Мне самому до сих пор импонирует теперь уже давний тезис Ю. М. Лотмана о том, что структура поэтического текста есть ни что иное, как структура его содержания [ср. 8, 64, 123 и сл.].

Говоря о логической структуре пословицы, придется в любом случае иметь в виду нечто крайне освобожденное от содержания – это прямым образом вытекает из природы и круга интересов самой логики (если понимать ее в обычном, «классическом» смысле, т.е., как пропозициональную логику или исчисление предикатов). Увлеченному логикой паремиологу может показаться почти что циничным высказывание Я. Хинтикки, в котором он характеризует теорию квантификации как «учение о выражениях “существует” и “для каждого”, которое надстраивается над учением о словах “не”, “и” и “или”, изучаемых в пропозициональной логике, и терминах, служащих для выражения предикации» [14, 245]. Но эти слова очень метко передают суть дела, и поэтому можно уже заранее опасаться, что с помощью языка, состоящего из слов *есть, каждый, и, или*, некоторых «пустых мест» и скобок, исследователю удастся справиться лишь с ничтожной долей всех этих метафорико-семантико-прагматических каверз, которыми так щедро будет угощать его пословица.

3.2. Где находится логический уровень пословицы и как он достигается?

В этом плане интересно сравнить логический анализ Каньо с уровнем логических инвариантов в последней версии классификации Пермякова [12; ср. 10]. Несмотря на примерно одинаковую степень отвлеченности формул у обоих авторов, место логического уровня анализа и путь к его выявлению у них совершенно противоположны. У Пермякова логический уровень представляет последнюю, высшую ступень семантической классификации (точнее: формальной координаты этой классификации), и достигается ступенчатым движением от текстов паремий ко всё более абстрактным выражениям. У Каньо логическая структура пословицы постулируется сразу, логический уровень составляет первый, «глубочайший» уровень анализа и понимается как своего рода предварительная ступень для последующего синтаксического анализа (или скорее: синтеза), в ходе которого логические репрезентации пословиц трансформируются в выражения, грамматически всё более напоминающие «готовые» пословичные тексты.

Это, с одной стороны, обнадеживает намеком на возможность интеграции синтаксического и семантического уровня описания пословиц через объединяющий их уровень логических репрезентаций. С другой стороны, возникает множество новых вопросов.

3.3. Уровень репрезентации или модельный язык?

Самый принципиальный из этих вопросов касается типа «связывания пословиц с логикой», т.е. трактовки роли логических средств в паремиологическом исследовании. И для Пермякова, и для Каньо в самой структуре пословиц существует определенный уровень, на котором пословицы репрезентируются некими логическими выражениями. Явно нет разумной причины отрицать возможность или смысл рассмотрения пословиц на таком уровне абстракции. Не следует, однако, думать, что обращение паремиологов к логике должно ограничиться подобными дескрипциями в качестве самоцелей и происходить именно в ключе исчисления предикатов. К сегодняшнему дню выработано множество разных логик (в особенности модальных) и формализованных языков с намного более мощным запасом семантических средств, и мы должны научиться пользоваться ими для моделирования как возможно большего количества уровней нашего предмета исследования, включая семантику тропов, коммуникативно-прагматическое функционирование пословиц, внутреннюю структуру национальных и интернациональных фондов и т.п., в целях создания интегративной работоспособной модели пословиц, могущей объяснить и прогнозировать паремические факты. Сказанным, разумеется, мы не хотим отрицать другие (историко-географические, текстологические, количественные) методы исследования.

Рассмотрим далее некоторые более частные проблемы в связи с логическими репрезентациями пословиц.

3.4. Объект анализа. Постоянные и переменные

Можно задать вопрос: какие объекты должны быть подвергнуты логическому обозначению и анализу – сами пословичные тексты в их «сыром» виде или «переводы» их на некий непозитивный метаязык с предварительно упорядоченной терминологией? Каньо анализирует первичные, необработанные тексты. Тем самым, как мне кажется, полученные формулы обречены изолированному друг от друга существованию: выступающие в них предикативные постоянные сохраняют свою терминальную идентичность только в пределах каждой отдельной формулы, т.е. фигурируют практически в качестве переменных, а поэтому формулы могут быть лишь сопоставлены по структуре, а не использованы для систематизации паремических фактов как исходные конструкции для дальнейших исчислений (соединения их в более сложные формулы, вывода из них новых формул и т.п.).

Если же при данных предпосылках попытаться установить соответствие между лексическими «постоянными», происходящими из разных текстов, и их предикативными символами, то непременно возникнут парадоксы еще более нежелательного характера, поскольку одно и то же слово может выступать то в своем буквальном, то в одном переносном, то в другом переносном значении. Мы смогли бы, например, сделать из утверждений *Zeit ist Geld* и *Das Geld ist rund* строго логический вывод: *Zeit ist rund*. Более того, пословица в роли непосредственного объекта логического анализа может обезоружить исследователя даже силами одного единственного текста, утверждая, не моргнув глазом: *Geld ist Quark, aber Quark ist kein Geld*, или что-нибудь еще похлеще.

Можно даже спросить, имеют ли вообще логическую структуру (синтаксически нормальные) бессмыслицы, пока они не переосмыслены в «смыслицы». А пословицы не так уж редко имеют вид как раз бессмыслиц или полубессмыслиц. Напр., эстонскую аллитеративную *Mõhen om mehe ilu, lapju pääl latse ilu* (букв.: *Красота муж(ик)а – в квашне, красота ребенка – на лопате*) следует понимать как наставление девушке тщательно обглаживать хлеба при хлебопечении, чтобы получить потом красивого мужа и красивых детей (основывается на веровании). Как следовало бы передать ее логическую структуру – то ли ‘если x является красотой мужика, то x находится в квашне...’, то ли ‘если x находится в квашне, то x является красотой мужика...’, то ли еще как-то по-другому?!

К сожалению, пока не существует никакой более-менее строгой методики для «деметафоризации» пословиц. И в лучших из известных попыток семантической классификации пословиц, сделанных Пермяковым и Кууси [12; 32], процедура выведения «идей» (т.е. заглавий содержательных классов) из текстов не эксплицируется. Хотя события в области теории метафоры в последнее десятилетие и развивались прямо взрывообразно,⁷ может случиться, что подобная методика не будет выработана даже в обозримом будущем.

Мы можем такие «переводы» делать и нестрого, «вручную», не заботясь особенно о корректности их соотношений друг с другом и с пословицами, и получить, например, следующие утверждения, в каждой из которых встречается некий член с постоянным предикатом P = ‘работать, работает’:

- ‘кто работает, тот устает’;
- ‘_____“_____” должен много есть’;
- ‘_____“_____” будет богат’;
- ‘кто здоров, тот может работать’;
- ‘кто сыт, тот _____“_____”’;
- ‘кто умеет, тот _____“_____”’ и т.д.

Но разбор подобных комплексов идей – даже разбор поведения одного единственного – может стать весьма нелегкой задачей, так как возникает множество противоречащих друг другу идей,⁸ пучки идей станут сложным образом разветвляться и переплетаться и мы нередко будем вынуждены заниматься семантическими соотношениями самих предикатов, что не входит уже в круг собственно логических задач.⁹

3.5. Где заканчивается форма и начинается содержание? Аргументы и предикаты

Итак, семантический арсенал исчисления предикатов ограничивается 5–6 словами. Нет средств для выражения даже таких буквально ежеминутных для пословицы (и человеческого мышления и языка вообще) связок и отношений, как *но*, *хотя*, *всё-таки*, *даже*, *только*, *похож на* и т.д. и т.п., не говоря уже о возможности показа модальных обстоятельств (о последних речь пойдет ниже – см. с. 14 и сл.). Если требовать, с другой стороны, чтобы всё то, что может быть выражено этими скудными средствами, всегда и должно быть выражено, то тут на грани возможного и невозможного могут возникать довольно самобытные вещи. Приведем хотя бы один пример.

Для репрезентации содержания слова *eine* в *Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer*, Каньо прибегает к следующему (в нашей графике) выражению в антецеденте:

$$(Px \ \& \ \forall y (Py \supset (x = y))) \supset \dots \quad [27, 127],$$

т.е. ‘если x является ласточкой и для каждого y установлено, что если оно является ласточкой, то оно является и равным (т.е. идентичным?) с x , то ...’, что читается, по-видимому: ‘если x является единственной ласточкой ...’. Данное выражение сильно напоминает дефиницию числа *один* (одноэлементного множества) у т.н. платонистов [см., напр., 5, 32].

Но, во-первых, как признает и сам Каньо, здесь исчезает квантор общности перед x (ведь если ласточка одна единственная, то и речи не может быть о любой из них!), хотя сама пословица интуитивно воспринимается как обобщающая.

Во-вторых, уже замена слова *одна* словом *первая* (ср., напр., W IV 412:2) заставила бы нас еще более усложнить структуру своего антецедента введением темпоральных дифференциаторов, и, к тому же, можно спросить, оправдано ли всё это, ибо в паремической эмпирике эти слова употребляются и чередуются совершенно как синонимы, имея в виду знания о фактах прилета реальных ласточек.

В-третьих, есть большая интернациональная группа пословиц с оппозицией ‘один : два’ (одна территория – два правителя, одна добыча – два претендента и т.п.) [см., напр., 32, 712–723]; есть множество других случаев, где в пословице встречаются числительные. Если акцептировать фрегевскую точку зрения на природу натуральных чисел, то с использованием подобной же техники оказалось бы возможным определить любые числительные. Но репрезентация, скажем, русской *Один с сошкой, семеро с ложкой*, содержащая монстральные дефиниции числительных *один* и *семь*, не только выглядела бы, мягко говоря, забавно, но и совершенно неадекватно передала бы семантическую суть этих слов в данном контексте, ибо они означают здесь просто ‘мало’ и ‘много’.

Ценой столь же огромной затраты средств Каньо удается передать содержание конструкций *wie...*, *so...* в *Wie der Vater, so der Sohn* и *je...*, *je...* в *Je grösserer Narr, je grössere Schelle* [27, 115].

Зато отрицание Каньо считает отрицанием только там, где оно выражено словами *nicht*, *keine*, *niemand* и т.п., и это в принципе вполне оправдано – ведь исчисление предикатов не ставит своей целью разбор семантических отношений предикативных постоянных, кроме установления их идентичности / различия. Но в результате этого мы будем лишены возможности различения любых, даже самых обыденных антонимов и идентификации синонимов. С другой стороны, устанавливается педантично жесткая зависимость логических репрезентаций текстов от их конкретной лексической манифестаций. Например, эстонская *Что длинно, то тонко; что толсто, то коротко* (EV 8800) должна, по-видимому, быть обозначена семантически «слепым» выражением

$$\forall x [(Px \supset Qx) \ \& \ (Rx \supset Sx)],$$

а в случае (липовой) **Что длинное, то нетолстое, а что толстое, то недлинное* репрезентация приобрела бы значительно более содержательный вид:

$$\forall x [(Px \supset \bar{Q}x) \ \& \ (Qx \supset \bar{P}x)],$$

т.е. $\exists x (Px \ \& \ Qx)$ или $\forall x (Px / Qx)$.

При более демократической трактовке, например, обозначений меры мы также смогли бы дать более содержательные репрезентации ряду пословиц, например, эстонской *Сажень (для) поросенка – пядь (для) старой свиньи* (EV 9224) в смысле ‘что является большим для малого, то является маленьким для большого’, или русской *Возьмешь лычко, а отдашь ремешок*.

Каньо не дает эксплицитных правил для соотнесения пословичных текстов с формулами, поэтому в общем случае остается неясным, сколько косвенной семантической информации (и какого типа) нам обязательно / допущено экстрагировать из текстов, насколько комплексными могут быть предикаты и т.д. Рассмотрим этот вопрос с помощью нескольких примеров.

Должен ли антецедент в репрезентации эстонской *Joodik mies ond sama raskõ nao liiv vanadõ jalgõlõ* (*≈ Пьяный муж(ик) столь же мучителен как песок* (т.е. ‘пресчаная дорога’) для *старых ног* – EV 2452) пониматься как

- (a) ‘если x пьет, (то...)’, или
- (b) ‘если x является мужем (кого-то) и x пьет, (то...)’, или
- (c) ‘если x является мужчиной и y является женщиной и (x, y) составляют супружескую пару и x пьет, (то...)’, или
- (d) ‘если x является пьющим мужиком и в то же время мучительным (для кого-то), и если y , который является песком, также является мучительным для некоего z , которое является старыми ногами, (то степень или величина мучительности является в том и другом случае одинаковой)’,
или еще как-то по-иному?

Пословицы часто имеют синтаксически (в агглютинативных языках и морфологически) симметричную структуру, которая тем самым как бы подсказывает и предполагаемое «естественное» место для знака (доминирующей) импликации. Но далеко не все пословицы являются симметричными. Наверно, нет оснований требовать, чтобы предложения, как *Кто не работает, тот всегда голоден* и *Лентяй всегда голоден* различались еще (~ уже) на уровне логической структуры. Но если не допускается предварительный семантический анализ, в особенности «разложение» метафорических терминов на интуитивно более приемлемые Px -сочетания, то в антецеденте у нас часто получаются психологически неудобные «пустые» предикации, как ‘если x является рукой’ при *Рука руку моет* или ‘если x является водой’ при *Вода стекает в низину*. В эстонском фонде имеется несколько сотен пословиц со словом *собака* в переносном значении. В зависимости от конкретного (пословичного) ко-текста эта метафора может иногда осмысляться как некий неопределенный объект с теми или иными характеристиками (напр., ‘большее дело’, ‘большая трудность’ в *Переступил собаку – переступишь и хвост* – EV 4132), в общем же случае – как ‘человек’, часто с очень четко выраженными пейоративными коннотациями (*Собаку и в церкви бьют* – EV 4102; *Уж собака собаку знает* – EV 4144; *Собака съест свою блевотину...* – EV 4106), а иногда в довольно нейтральном смысле (*Какова собака, таковы у нее и щенки* – EV 13342; *Много собак – волку смерть* – EV 4168). Допустим, что *Лающая собака не кусается* (EV 877) занимает на данной шкале некую промежуточную позицию. При трактовке, маркирующей здесь *собаку*, ее логической структурой тогда стало бы

$$\forall x [Px \supset (Qx \supset \bar{R}x)], \text{ т.е. } \forall x [(Px \ \& \ Qx) \supset \bar{R}x]$$

(P = ‘быть собакой’; Q = ‘быть лающим’; R = ‘быть кусающимся’; класс M , откуда происходит наш x , остается неопределенным).¹⁰ При иной, не маркирующей «собачесть» трактовке структура приобрела бы вид

$$\forall x (Px \supset \bar{Q}x)$$

(P = ‘быть лающим’; Q = ‘быть кусающимся’; класс M задается как ‘класс собак’, так что $x \in M$).

Сам Каньо, вероятно, предпочел бы здесь первую трактовку, может быть, с добавлением облигаторного аргумента времени (t) под квантором общности. С другой стороны, когда в пословице говорят о человеке, сообщая об этом косвенно, через *Wer...*, *der...* или *Wenn man...*,

то и «человечность» не предидируется у Каньо специально, а первым предикатом человеческого x станет относящийся к этому субъекту глагол, или прилагательное или проч.

3.6. Проблема квантификации

Проблемы квантификации, в первую очередь, обобщения аргументов, тесным образом связываются с проблемами выделения самих этих аргументов, о которых говорилось и в предыдущем пункте.

В формулах Каньо всегда присутствует – и находится под квантором общности – аргумент времени (t). Аргумент места, в отличие от Райхенбаха, в общем случае опускается по лингвистическим соображениям [27, 111], но может также быть и введен и обобщен в тех случаях, когда в тексте прямо ссылается на место, как при *Wo hehobelt wird, fallen Späne* [27, 114]. Аналогичное наблюдается и в обращении, например, с теми сущностями, которые представляют объекты действия (в смысле «глубинных падежей»). Так, *neiden* как формально нетранзитивный глагол в *Wer neidet, leidet* [27, 113] допустил, видимо, логическую запись без ввода объекта зависти в качестве специального аргумента, в записи же текста *Wer sucht, findet* [ibid.] указывается (но не обобщается) и объект иска (y), причем допускается возможность, что ищется одно, а находится другое (z); в случае *Was jeder sucht, das findet er* (W IV 954:30), под квантором общности, вероятно, находились бы как субъект, так и объект действия.

Однако, наш опыт с эмпирическим архивным материалом (прежде всего, эстонским и финским) показывает, что в случае общеимпlicative структуры с большим числом «аргументных мест» (в смысле «глубинных падежей», напр., с антецедентом типа ‘если кто-то когда-то где-то совершает что-то над чем-то’) выбор окончательной «формульной манифестации» текста происходит до известной степени произвольно, а частотное распределение разных манифестаций (Если A p -еет... ~ Когда A p -еет ~ Где A p -еет и т.п.) объясняется чаще поэтическими факторами (экономия места, наличие / отсутствие эвфонизмов), чем чисто языковыми или логическими. Конечно, свою роль здесь играет и общесинтаксическая специфика данного языка, а также сложившаяся традиция синтаксического оформления пословиц в данном языке.¹¹ Итак, когда мы имеем дело с пословичными вариантами, скажем, *Где мед, там и мухи* и *Когда есть мед – будут и мухи*, то нам не следует сразу думать, что в первом варианте сильно подчеркнут именно пространственный аспект, во втором же – временной, вместе с соответствующими выводами относительно обобщенности. Разумеется, не оправдана и противоположная абсолютизация. Например, мы интуитивно ощущаем заметную расплывчатость в содержании пословиц с четко выраженной обоюдной обобщенностью субъектных и объектных аргументов, как *Кто что ищет, тот то и найдет*¹² или *Кто чего боится, то с ним и случится* – ведь варианты *Кто боится, с тем и случится* и *Чего боишься, то и случится* уже заметно различаются по смыслу: первый перефразируется как имплицитный призыв быть смелым, второй же подразумевает не зависящие от нас самих проказы «злого духа».

Поскольку человек является – по меньшей мере в прагматическом смысле – почти что универсальной темой пословиц [ср. 7, 165 и сл.], может быть, было бы тогда разумно сделать этот факт и исходной точкой решения проблемы квантификации? Мы могли бы, например, договориться, что в качестве первого обязательного хода во всех случаях будет постулирован (и обобщен) «человеческий аргумент». Но это, опять-таки, предполагало бы предварительную демегафоризацию материала, да и в этом случае завело бы нас иногда уж очень далеко от исходного текста как эмпирической данности.

Часто в пословицах встречаются и совершенно эксплицитные «кванторные слова», связанные либо с объектными аргументами (в терминологии Каньо), либо с темпоральным или пространственным параметром. Иногда они бывают очень странными. Я весьма далек от мысли критиковать Каньо за то, что встретившись с такими чудовищными для двухкванторного языка словами, как «“viele”, “wenige”, “oft”, “selten”, “lange”» и т.п., он принимает реше-

ние такие «*einstweilen zurückzustellen*» [27, 127]. Даже вооружившись неким более совершенным «многовалентным» типом квантификации, мы заведомо будем побиты, если не учтем хотя бы тот парадоксальный факт, что даже прямое нахождение в пословице таких «крепких» кванторных слов, как *каждый* ~ *всяк*, *всегда*, *везде*; *никто*, *никогда*, *нигде* и проч., само собой не означает ни абсолютной ступени (утвердительного / отрицательного) обобщения, ни даже какого-либо сдвига в квантификации, по сравнению с текстами, где эти слова отсутствуют.

Например, *каждый* и *всякий* очень часто выступают именно в сочетаниях со словом *свой* в выражениях типа ‘Каждый *A* имеет свой *B*’ или ‘У каждого *A* свой *B*’. Такие формулы прячут в себе одновременно отношение соответствия в плане синтагматики (т.е. между любыми A_i и B_i) и различия в плане парадигматики (утверждается, что $A_i \neq A_j \neq \dots$ и $B_i \neq B_j \neq \dots$) и, соответственно, регулярно чередуются с формулами ‘Каково *A*, таково (у него) и *B*’ и ‘*A* знают по *B*’ (*Jeder Baum hat seine Früchte* – W I 279:153 ~ *Wie der Baum, so schmeckt die Frucht* – W I 283:249 ~ *Den Baum kennt man an den Früchten* – W I 274:26).

Всегда / *никогда* могут употребляться и просто как гипербола / литота, когда хотят подчеркнуть парадоксально высокую / низкую частотность неких в общем невероятных / вероятных (или нежелаемых / желаемых) событий.

Часто являются амбивалентными в плане квантификации пословицы, представляющие «квазипарадокс», как *Тонут умеющие плавать*, могущие пониматься либо ‘тонут» и н о г д а и ...’, либо ‘тонут» и м е н н о ...’.

В то же время знаменитое «*incommunicable quality*» подсказывает нам, что в основе пословичной квантификации лежит некий очень простой и естественный принцип «центробежности» или контрастности (‘выше / ниже среднего’ ~ ‘чаще / реже ожидаемого’ и т.п.). Тот же принцип действует в обыденном языке при трактовке «двувалентных» определений меры, напр., *большой* \neq ‘абсолютно» большой’, а ‘больше среднего’, *маленький* \neq ‘не-большой’, а ‘меньше среднего’. Таким же образом, представляется разумным искать в пословице и не категорические меры каузации и ‘причиняет / исключает’, а скорее некие более гибкие ‘способствует / препятствует (сохранению / изменению)’ [ср. 3, 144–149].

В этой связи хочется подчеркнуть эвристическую ценность нелепо простых, на первый взгляд, формул Дандиса $A = B$ и $A \neq B$ [23] (я буду на них ссылаться и в дальнейшем). Здесь уловлена известная универсальная склонность человеческой психики к ливидации противоречивых ситуаций AB & $A\bar{B}$ & $\bar{A}B$ путем редукции их либо к соотношению AB , либо к A/B . Например, среди записей эстонских пословиц встречаются следующие тексты (типы EV 6296 и 6297):

- (a) *Спящей кошке в рот никогда мышшь не бежит;*
- (b) *Спящей кошке в рот мышшь не бежит;*
- (c) *Спящей кошке редко мышшь в рот бежит;*
- (d) *Иногда и спящей кошке мышшь в рот бежит;*
- (e) *Спящей кошке в рот мышшь бежит;*
- (f) *Спящей кошке всегда мышшь в рот бежит.*

В этом ряду ступеней в качестве основных можно выделить отрицательно-нейтральную (b) и положительно-нейтральную (e). Промежуточные (c) и (d), хотя и совпадают (или скорее: неопределенно близки) по референциальному содержанию, всё же интерпретируются «в разные стороны» – (c) как ‘бывает, но редко’, а (d) как ‘редко, но бывает’.

Далее, поскольку, как мы видим, пословица трактует действительность в своего рода «вероятностном» плане, то на практике совершенно свободно могут встречаться, чередоваться и взаимозаменяться то наиболее «частотностные» манифестации (которые логик склонен называть кванторами), то наиболее «индуктивные» или «логические» (которые для логика являются алетическими модальностями).¹³ Короче говоря, в разборе логики пословиц нет, по-видимому, особых шансов различить ‘необходимо’ от ‘всегда’, ‘невозможно’ от ‘никогда’ и ‘возможно’ от ‘иногда’.

Для меня до сих пор осталась настоящей загадкой сфинкса та разновидность пословиц, которую представляют *Не всё то золото, что блестит*, *Не всякое лыко – в строку* и т.п. С одной стороны, это – типичные частно-отрицательные утверждения, традиционной логической формой которых является $\exists x(Px \& \bar{Q}x)$, с другой стороны, они, тем не менее, воспринимаются интуитивно не только как имплицативные, но и обобщающие формулировки закономерностей – т.е. как вполне нормальные пословицы. Каньо [27, 116] пишет вместо $\exists x$ двойное $\neg(x)$ (т.е. $\neg\forall x$) и сохраняет для себя имплицативность формулы, но поскольку $\neg\forall x(Px) \equiv \exists x(\bar{P}x)$, то получается опять-таки $\exists x(Px \supset \bar{Q}x)$, где $\bar{Q}x$ должно пониматься как отрицательное ‘есть незолотое’ или *mutatis mutandis*. Настоящим спасителем фомальной всеобщности у Каньо служит временное $\forall t$, но поскольку обобщение по времени происходит у него автоматически во всех случаях, то и эта операция обертывается в некое *deus ex machina* вроде «Бог всегда хочет, чтобы...» или «Действие всеобщей энтелехии определяет, что...» или «Пословицей установлено, что...» или «Всегда надо иметь в виду, что...». Последнее толкование, на мой взгляд, отнюдь не исключено: ‘Учти, что если ты наткнешься на «блестящую» вещь, у тебя может возникнуть надежда, что это – «золото» (ибо людям приятно найти «золото» и «золотые» вещи являются «блестящими»), но эта вещь всё же может оказаться, скорее всего, «незолотой» (поскольку «золотых» вещей в мире гораздо меньше, чем «блестящих»)’, или, короче: ‘Вероятность разочарования всегда выше среднего’. Но это явно означало бы уже не описание логической структуры пословичного текста как «паремического фокуса», а обширную экспликацию «паремического фона» (ср. термины М. А. Черкасского – см. [15]), т.е. было бы уже прагматическим подходом к делу.

3.7. Где антецедент и где консеквент?

Г. Клаусу [29, 253] принадлежит следующее категорическое утверждение: «Die Aussage “Alle Menschen sind Irrende” hat die logische Struktur $\forall x [M(x) \rightarrow I(x)]$ (Für alle Dinge x gilt, wenn x ein Mensch ist, so ist x ein Irrender). In der Umgangssprache kann diese Aussage viele Gestalten haben. Zum Beispiel, “Irren ist menschlich”, “Menschen irren”, “Die Menschen irren”, “Der Mensch irrt”, “Jeder Mensch irrt”.» У паремиолога могут возникнуть сомнения в том, правомерна ли данная редукция для всех перечисленных примеров. Правда, во многих случаях наша интуиция относительно того, какие семантические элементы в пословице должны составлять антецедент, а какие – консеквент, сильно поддерживается знаниями о «нормальном» (причинно-временном) порядке следования реферируемых в пословице событий. Действует и другой интуитивный ориентир: антецедентом является то, что в высказывании находится «левее». Можно выделить и третий смутный ориентир: наиболее «вещественное» или «определенное» является антецедентом. Но эти критерии могут вступать в конфликт один с другим или с иными возможными критериями. Приведем примеры.

Во-первых, порядок слов в пословице может просто быть инверсионным, как в эстонской *Человек, о ком говорят, лошадь, на которой ездят* (EV 2108).¹⁴

Во-вторых, в плане т.н. актуального синтаксиса антецедент натуральным образом ассоциируется с данностью (*topic*, «психологический субъект»), а консеквент – с новизной (*comment*, «психологический предикат»). В этом смысле прогностический тип актуализации воспринимается как непротиворечивый, ретросказательно-объясняющий тип – как противоречивый. Которому из критериев в последнем случае следовало бы отдать предпочтение?

В-третьих, пословица может «выводить» не только более поздние события из более ранних. Она может соотносить также (внутреннее) свойство с (внешним) проявлением этого свойства, общий облик ситуации с частностями на этом общем фоне, событие (~ ситуацию) с оценкой этого события (~ этой ситуацией), ментальные акты с материальными происшествиями вообще и мн. др. Такие конфигуранты часто воспринимаются уже не как одноименные, темпорально упорядоченные сущности, а как происходящие из разных миров. В силу этого определение «наиболее естественного направления имплицации» в подобных пословицах

часто оказывается затрудненным. Покажем альтернативные гипотезы на этот счет посредством некоторых эстонских примеров. *Волк ест и отнекивается* (EV 1633) – гипотеза (а) ‘если x = «волк», то он «ест и...»’; гипотеза (b) ‘если x (= человек) «ест и отнекивается», то, значит, он злой (он – «волк»)’. *Ленивая свинья роет после заката солнца* (EV 5379) – гипотеза (а) ‘если x (= «свинья») ленив, то эта лень выражается в том, что...’; гипотеза (b) если x (= «свинья») роет..., то это оценимо как лень’. *Мужик узнается по словам* (EV 6621) – гипотеза (а) ‘если надо судить о ком-либо x , то это можно сделать по его словам’; гипотеза (b) ‘если x (= человек, мужчина) говорит, то тем самым он дает косвенную информацию о своей натуре’.

В-четвертых, в календарных пословицах – если их, несмотря на недавнее возражение Дандиса [24], всё же продолжают считать пословицами – встречается определенный структурный тип, где некая календарная дата связывается с неким фактом (событием, ситуацией, степенью развития), касающимся живой или неживой природы. Пословицы этой группы являются прямо принципиально амбивалентными вне ко(н)текста конкретной актуализации. Например, по поводу эстонской *После Иванова дня у кукушки ячменная ость в горле* [т.е. она перестанет куковать] (EV 7768), бессмысленно спорить, говорится ли здесь «в первую очередь» о Иванове дне или о кукушке.

На фоне приведенных фактов могут углубляться и наши сомнения относительно того, имеют ли высказывания, как *Alle Menschen sind Irrende* и *Irren ist menschlich* одинаковую по antecedентно-консеквентному расположению структуру – ведь в первом всё же констатируется лишь, что людям свойственно ошибаться, в то время как второе звучит почти что ‘когда человек ошибается, это можно понять’ или даже ‘ошибаться – не смертный грех’.¹⁵

3.8. Все ли пословицы – импликации? Проблема суперструктуры

Мы выше говорили, что симметричные компоненты очень характерной для пословицы параллелистической структуры часто удается осмыслить как antecedент и консеквент импликации. Однако, это удается не всегда. Бывают случаи – а в прибалтийско-финском материале они особенно многочисленны –, когда текст распадается на две импликативные подструктуры, а над ними надстраивается еще один, связующий их, операциональный уровень, который имеет уже четко неимпликативный характер.

Один пример такой надимпликативной структуры – *Что длинно, то тонко, а что толсто, то коротко* – мы уже рассмотрели в связи с проблемами степени десемантизации пословичного текста при его логической транскрипции (с. 8). Вместе с тем, выяснилось, что логическая трактовка этого надимпликативного отношения может зависеть именно от степени десемантизации: с переходом к более содержательной трактовке отношение «слепой» конъюнкции превратилась в т.н. строку Шеффера (ибо по предпосылкам допущено, что «короткие» вещи могут быть и «тонкими»). Примером иной замены может служить *Что дорого, то мило, что дешево, то гнило*. Обозначив Px = ‘ x дорого’; Qx = ‘ x мило’; $\bar{P}x$ = ‘ x дешево’; $\bar{Q}x$ = ‘ x гнило’, получим структуру

$$\forall x [(Px \supset Qx) \& (\bar{P}x \supset \bar{Q}x)],$$

логическим адекватом которой является эквиваленция

$$\forall x (Px \equiv Qx),$$

т.е. ‘дороговизна вещи – эквивалент ее качества’.

Отсюда может задаваться даже вопрос о принципиальной природе «паремического следования». Когда, например, пословица утверждает: *Кто работает, тот и ест*, и в одном случае прибавляет, а в другом не прибавляет к этому отрицательную дубликацию: ..., *а кто не работает, тот и не ест* – зависит ли от этого кардинальным образом логическая структура данного утверждения? По-моему, нет. Истинность прибавленной части имплицитно подразумевается и тогда, когда она реально и не прибавляется. Иногда мен кажется, что что вся суть логических операций в пословицах (в том числе и тех, которых мы привыкли счи-

тать импликативными) на самом деле сводится к дандисовским операциям $(A \cup B) \rightarrow (AB)$ и $(A \cup B) \rightarrow (A/B)$, т.е. к отождествлению и взаимоисключению ситуаций и событий.

Наряду с показанным антонимичным соотношением импликативных конститuentов не менее продуктивными являются и синонимичное и «неопределенно-сопоставительное» (*Мать бьет как перстяным мотком, а отец бьет как железным молотком* – EV 613, где $(A \cup B)$, поскольку оба бьют, но (A/B) , поскольку бьют по-разному). Хотя такие надимпликативные связки иногда с большим трудом поддаются логическому определению (по меньшей мере, без учета семантического компонента), не следовало бы в принципе отрицать возможность надимпликативного уровня в структуре пословиц и оставить его без внимания в дальнейших исследованиях.

4. Проблема проблем – метафоры и модальности

Мы пока делали вид, будто на пути исследования логической структуры пословиц вовсе не существует двух огромных камней преткновения – семантики тропов и модально-прагматических аспектов пословицы. Но они существуют и угрожают превращением в суету сует лучших логических стремлений любого, кто намерен их обойти. Здесь я пытаюсь лишь показать их воздействие на логическом уровне исследования пословиц, не предлагая каких-либо кардинальных решений.

1. М. А. Черкасскому принадлежит один из самых замечательных, на мой взгляд, этюдов по логике пословиц [15]. Черкасский рассматривает логическую структуру преференциальных пословиц типа *Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным* с простейшей, на первый взгляд, симметричной структурой $x\bar{y} > \bar{x}y$. После общетеоретической характеристики паремий, в которой принимают во внимание не только семантические, но и прагматические аспекты (например, дается методологически важное различие «паремиологического фона» и «паремиологического фокуса»), предлагаются логические формализмы для оперирования преференциальными «неравенствами», дается интересный разбор отношений концессии и адверсии ($'x, \text{ хотя и } y' \sim 'y, \text{ но } x'$), близких к конъюнкции, выявляются нормальные варианты реализации данной общей логико-семантической структуры, а также ненормальные сочетания, которые приведут либо к комизации текста, либо к бессмыслицам, либо к потере «смысловой нагрузки» пословицы и т.п.; наконец, создается общая когнитивная модель данной группы паремий. Показывается, что модель полная и должна функционировать безотказно.

Но семантические параметры X (напр., 'здоровье') и Y (напр., 'богатство'), по которым образуются конкретные конститuentы преференций, как $\bar{x}y$ ('больной и богатый'), $\bar{y} \mid x$ ('бедный, но здоровый'), $x \mid \bar{y}$ ('здоровый, хотя и бедный') и т.п., трактуются Черкасским как гомогенные, одинаковые по степени метафоризации. К тому же, он рассматривает более элементарные соотношения, как $x > y$ ('лучше здоровый, чем богатый') и $x > \bar{x}$ ('лучше здоровый, чем больной'), в качестве неполных реализаций своей основной схемы $x\bar{y} > \bar{x}y$, в качестве отклонений от нее. В результате в его модели не оказывается средств для выделения особой группы «псевдо-преференций», где только один из конститuentов преференции берется «всерьез» (и составляет тему), другой же трактуется как своего рода аксиологическая гипербола или литота. Например, эстонская *Мягче на материнском лоне, чем в барском ложе* (EV 8518) не осмысляется как $x > y$, а как 'быть у матери – очень хорошо', *Лучше дать доброму псу, чем попу* (EV 8554) осмысляется просто как 'попу не стоит давать', а немецкая *Gute Worte kühlen mehr als kaltes Wasser* (W V 412:332) – как 'доброе слово сильно влияет, действует'. Очень продуктивным в этой группе является стереотип $x \text{ лучше, чем } \bar{y}$ ($\sim \text{дороже золота}$). Конечно, как в паремике вообще, так и здесь, нет четких граней между противоположностями: *Здоровье лучше богатства*, видимо, воспринимается как обыкновенная преференция, *Здоровье дороже золота* – скорее как псевдопреференция. Псевдопреферен-

ции интересны и тем, что в них может проявляться очередной из паремиио-логических парадоксов: $(x > y)$ равнозначно с $(x \equiv y)$ – *Девять переездов – это то же самое, что один пожар* семантически адекватно с *Лучше один пожар, чем девять переездов* (EV 4279).

Во-вторых, система Черкасского не допускает двойственного аксиологического толкования составляющих предпочтений. Это касается, в первую очередь, единиц, включающих семантические компоненты ‘большой’, ‘действенный’ и т.п. В интуитивной «аксиоматике метафор» [ср. 33, 22 и сл.] такие слова, с одной стороны, толкуются по принципу: *действенное* = ‘хорошее’; *много* = ‘хорошо’; *больше* = ‘лучше’; *ближе* = ‘лучше’, в сочетании же с заведомо негативными в аксиологическом смысле понятиями, наоборот, усиливают степень этой негативности. Эта двойственность использована в пословицах, как *Больше толку из малой работы, чем из большого стояния* (EV 8901); *Лучше хворь далеко, чем злак близко* (EV 1797); *Лучше горсточка чести, чем пригоршня позора* (EV 8575). Несколько иную реализацию данной двойственности толкований представляет *Лучше немного хорошего, чем много плохого* (EV 1123), где наряду с указанным парадоксальным (при толковании *много плохого* = ‘много зла’, ‘много беды’ и т.п.) исходом возможен и обычный $x\bar{y} > \bar{x}y$ -исход (где *много плохого* = ‘много некачественного’).

В-третьих, Черкасский, как и Пермьяков и многие другие паремииологи, допускает возможность редукции пословиц к определенным (и только к этим определенным) семантическим или логическим инвариантам [15, 40], утверждая также и относительно рассмотренных им $x\bar{y} > \bar{x}y$ -пословиц, что «...описанный логический класс может быть включен в еще более широкий круг паремий, который мы назовем логическим надклассом, характеризующимся общим инвариантным значением: “Альтернатива двух благ”. Наряду с рассмотренным выше, в этот надкласс входит целый ряд других классов...» [15, 42]. Однако, независимо от того, какие признаки подкласса будут переходить в признаки надкласса, а какие – нет, данный подкласс явно может быть включен в несколько разные надклассы, хотя бы и в «класс неравенств» (ибо наряду с аксиологическими неравенствами в пословицах представлены еще и такие, как *больше, чем; чаще, чем; вероятнее, чем* и мн. др.). Сам надкласс «Альтернатива двух благ» также мог бы рассматриваться как представитель по меньшей мере двух различных над-надклассов – (а) «Операции с альтернативами» и (б) «Операции с добром и злом».

2. Трактовка пословиц как чисто индикативных утверждений имеет по меньшей мере три огромных недостатка:

(а) она исключает из анализа большое количество паремических единиц, имеющих в своем составе конституэнты явно аксиологического или деонтического порядка (ср. п. 35 в списке синтаксических формул в настоящей работе, с. 2);

(б) она не дает возможности соотнести в рамках одной сводной репрезентации все документированные (напр., архивные) логические варианты некоей пословицы;

(с) она не допускает адекватное моделирование пословиц как коммуникативных, прагматических единиц.

Учитывая тот факт, что конечной целью коммуникации в любом случае является направление деятельности (мышления, поведения) партнера, аксиологический и деонтический компоненты должны были бы иметься в логической репрезентации любой пословицы.

Для выражения предпочтения и другие, кроме Черкасского, пользуются знаком «паремического неравенства», но в общем случае не указываются свойства этой операции. В силу обстоятельств, пословицы с деонтическими консеквентами (советы, запреты и проч.) и у Пермьякова, и у Каньо [27, 122] сводятся к обычным импликациям. Г. Хасан-Рокем полагает, что подобная трактовка обоснована даже в принципе: «... proverbs are affirmatives even when formulated as a question, an order, a request, etc.» [26, 19], и далее, там же: «... the proverb “Look not at the flask but at what is therein” – is not an order although syntactically it is a negative imperative. What is actually said in the sentence in its proverbial use is that it does not pay to look at the flask, it pays to look what is therein.» Что касается вопросов, то их чисто риторический характер в пословицах не вызывает сомнений: они во всех языках – по меньшей мере в пре-

делах материала сборников Пермякова – осмысляются как отрицания. Но *не стоит* является индикативным лишь по внешнему грамматическому оформлению, оставаясь по-прежнему связанным с категорией цели и сохраняя тем самым свою деонтическую специфику. (Аксиологические модальности Хасан-Рокем не отрицает и оперирует ими совершенно регулярно в консеквентах своих формул семантической структуры.)

Более, чем 10 лет тому назад А. А. Ивин [3, 111; 2] отметил, что до сих пор никому не удалось доказать ни возможность, ни невозможность логического перехода от «есть» к «должен». Мне могут быть неизвестны новейшие работы по этим вопросам, но интуитивно ощущается, что в рамках логики такой переход может оказаться принципиально невозможным. В то же время практический, прагматический разум справляется с подобными переходами – и от «есть» к «хорошо / плохо», и от «есть» к «должен» – с играющей легкостью, да и в пословицах они происходят буквально на каждом шагу. И это довольно утешительно. Пусть язык, сводящий эти модальности, не будет называться логикой, а будет создан, например, в рамках лингвистической прагматики, т.н. искусственной интеллигенции, теории текста, теории деятельности или иной психологической теории, все которые сейчас бурно развиваются¹⁶ – для паремиологического исследования это имело бы высочайшую ценность. В своей недавней статье [3а, 194–195] Каньо возлагает надежды на концепции Я. Хинтики, разрабатываемые в рамках его т.н. теории языковых игр [Хинт. 245–351], в качестве возможной теоретической основы для более адекватного представления логической структуры паремий. Чаяния Каньо связаны с другими сторонами вопроса, но и в модальном плане идея о подвергнутости процессов приема, обработки и обмена информации человеком некому единому – притом целевому, деонтическому – критерию представляется многообещающей. И в контексте намного более скромных паремиологических амбиций, пока у нас нет метаязыковых средств для соотнесения пословичных вариантов, скажем, *Кто роет яму другому, тот сам в нее попадет* и *Не рой другому яму – сам в нее попадешь*, или для экспликации мысленного вывода ‘пьяница лучше дурака’ в *Пьяный проспится, а дурак никогда* – говорить о трудоспособной логической модели пословиц не следует.

Примечания

1. Специальную интересную проблему составляют частотные отношения подобных синтаксических стереотипов в фондах разных народов. Я, например, был потрясен, обнаружив впервые, что список пословиц с началом *drei Dinge* охватывает в сборнике Вандера ок. 17 страниц (W I 609–631 и V 1142–1154), в то время как в эстонских пословицах эта формула является довольно непродуктивной и спорадической.
2. Сам Каньо пользуется несколько отличной от здешнего техникой записи, но это не имеет принципиального значения.
3. Близкая к этой формуле (с отрицательным консеквентом) встречается, например, и у В. П. Аникина [1, 266], но трактуется не как основная логическая форма пословиц, а просто как формула среди других возможных формул.
4. Эта проблема рассматривается еще К. Боостом, одним из наиболее ранних исследователей т.н. актуального синтаксиса [см. 21].
5. Вслед за Г. Хасан-Рокем [26, 16] мы акцептируем здесь предложенное Бар-Хиллелом различие (ситуативного) *контекста* и (речевого) *ко-текста*.
6. Этим, конечно, проблемы жанровой границы между пословицей и поговоркой отнюдь не решены. Значительную трудность представляет квантификация многих дейктических конструкций, например, типа *Кто чей хлеб ест, тот того песню поет* ~ *Чей хлеб ты ешь, того песню поешь* ~ *Кто твой хлеб ест, тот твою песню поет* ~ *Кто мой хлеб ест, тот мою песню поет* и т.п., а также пословичных «цитат от первого лица» (*Скажи мне, кто твои друзья...*), *тоже-конструкций* в субжанре *gerartees* (*Медвед тоже не умывается...*) и т.п.
7. См., напр., труды, содержащиеся в сборниках [МТ] и [CFL], а также цитированную там литературу. Очень обнадеживающими, с паремиологической точки зрения, представляются, например, разработанная Э. Ортони и его сотрудниками методика измерения «психологической дистанции» между понятиями, участвующими в метафоризации, а также работа Лэкоффа и Джонсона [33].

8. Такие смысловые противоречия очень отчетливо наблюдаются например, с помощью классификаций Пермякова [9; 12].
9. Предлагаем, к примеру, выборку идей, выраженных в эстонских пословицах на ту же тему труда – может быть, десятую часть всех идей, содержащих предикат ‘труд’, ‘работает’ в излагаемых на данной степени отвлеченности:
- (1) Кто сыт, тот способен работать;
 - (2) Кто много ест, работает продуктивно;
 - (3) Кто мало ест, тот и мало делает;
 - (4) Работяга узнается по еде;
 - (5) Когда живот пуст, трудно (~ неприятно) работать;
 - (6) Голод заставляет работать;
 - (7) Больной не может работать;
 - (8) У больного нет обязанности работать;
 - (9) Смерть работника наступает на работе;
 - (10) Смерть трудоспособного человека – огромное несчастье;
 - (11) Работа закончится только со смертью;
 - (12) Кто трудолюбив в молодости, тот и в старости;
 - (13) Кто работает в молодости, может беззаботно жить в старости;
 - (14) Кто ленив в молодости, испытывает нужду в старости;
 - (15) Дети – помеха в работе;
 - (16) У женщины с младенцем малая производительность;
 - (17) Работе мешают не дети, а лень;
 - (18) Из-за детей работа не должна оставаться несделанной;
 - (19) Детей надо научить работе уже в раннем возрасте;
 - (20) От детей – значительная помощь в работе;
 - (21) Дети тратят, но и помогают в работе;
 - (22) Трудолюбивого ребенка любят больше;
 - (23) Кто надеется на труд детей, тот сам ленив;
 - (24) У детей малая трудоспособность (~ продуктивность);
 - (25) Дочери – работяги, сыновья – дармоеды;
 - (26) Хотя дочь и некрасива, всё же помогает в работе;
 - (27) Выдать дочь замуж – убыток в рабочей силе для семьи;
 - (28) Девушку надо заставлять работать даже тогда, когда ей нет работы;
 - (29) Девушка должна быть трудолюбивой;
 - (30) Девушку ценят по трудолюбию;
 - (31) Девушке позорно стоять без работы;
 - (32) Трудолюбие является преимуществом при сватовстве;
 - (33) Бери жену с работы, а не из пира;
 - (34) Из ленивой девушки не получится хорошей жены;
 - (35) Красота важнее трудолюбия (при сватовстве);
 - (36) Трудолюбие невесты важнее ее богатства;
 - (37) Женская работа бесконечна;
 - (38) Женская работа незаметна;
 - (39) С ленивой женой плохо жить.
10. В точности такая логическая трактовка пословицы *Hunde, die bellen, beißen nicht* имеется у Бирвиша и цитируется [27, 102] у Каньо.
11. «Картина мира» в этом плане может зависеть, например, от того, имеются ли в некотором языке средства для различения временных и кондициональных придаточных (типа англ. *when ~ if*) или нет.
12. При составлении сопоставительного издания прибалтийско-финских пословиц (1985) мы долго спорили над тем, составляют ли *Что ищешь, то найдешь* и *Кто ищет, тот и найдет* одну типологическую единицу или должны рассматриваться раздельно.
13. Об этих двух интерпретациях вероятности см. у Карнапа [4, 63 и сл.].
14. Несколько примеров подобных инверсий приведено также в моей работе [7, 156–160].
15. В репрезентации *Irren ist menschlich* у Каньо [27, 116] *irren* также считается входящим в antecedent, а *menschlich* – в consequent.

16. Кроме классики (Дж. Р. Сэрл, Т. А. ван Дейк, М. Минский, Р. Шанк и мн. др.), можно назвать аксиоматику деятельности, разработанную Я. Смедслундом [35; 36]. Пословицы в качестве орудий планирования стратегий затронуты М. Дайером [25]. В проектах по искусственному интеллекту успешно участвуют и эстонские исследователи. В диссертации Х. Ёйма [19], а также в ряду других его трудов выработаны эффективные формальные средства для описания и соотношения большого числа компонентов т.н. директивной интеракции. Элементы аксиологической и деонтической логики использованы для моделирования некоторых звеньев человеческого общения Б. Чумаковым [17; 18].

Источники и литература

Источники пословиц

- Ж – В. П. Жуков (сост.), *Словарь русских пословиц и поговорок*. Изд. второе. Москва: «Советская Энциклопедия», 1967.
- EV – *Eesti vanasõnad* I–III. Toim. A. Krikmann, I. Sarv. Koost. A. Hussar, A. Krikmann, E. Normann, V. Pino, I. Sarv, R. Saukas. Tallinn: «Eesti Raamat» [I – 1980; II – 1983; III – 1985; цитируется по номерам типологических единиц].
- W I–V – K. Fr. W. Wander, *Deutsches Sprichwörter-Lexikon* I–V. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977.

Сборники и журналы

- ПИ – *Паремиологические исследования. Сборник статей*. Сост. и ред. Г. Л. Пермяков. Москва: «Наука», 1984.
- ПМЯИ – *Проблемы моделирования языковой интеракции. Труды по искусственному интеллекту* I. Уч. записки ТГУ, вып. 472. Тарту, 1978.
- ПС – *Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст)*. Сост., ред. и предисловие Г. Л. Пермякова. Москва: «Наука», 1978.
- Хинт. – Я. Хинтика (J. Hintikka), *Логико-эпистемологические исследования. Сборник избранных статей*. Москва: «Прогресс», 1980.
- CFL – *Cognition and Figurative Language*. Ed. by Richard P. Honeck, Robert H. Hoffman. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.
- MT – *Metaphor and Thought*. Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Prov. – «*Proverbium*» (1–25). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (1965–1975).
- Prov. Par. – «*Proverbium Paratum*» (1–3). Budapest (1980–1982).
- Prov. Yearb. – *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship*. Ed. by W. Mieder. Vol. 1: 1984. The Ohio State University.

Отдельные труды

1. В. П. Аникин, О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок. – *Историческая жизнь народной поэзии. Русский фольклор XVI*. Ленинград: «Наука», 1976, с. 263–278.
2. А. А. Ивин, *Основания логики оценок*. Москва: Изд-во Московского университета, 1970.
3. А. А. Ивин, *Логика норм*. Москва: Изд-во Московского университета, 1973.
- 3а. З. Каньо, Мыслительно-языковые условия отображения структуры пословицы. – ПИ, с. 179–199.
4. Р. Карнап (R. Carnap), *Философские основания физики. Введение в философию науки*. Москва: «Прогресс», 1971.
5. Х. Карри (Haskell B. Curry), *Основания математической логики*. Москва: «Мир», 1969.
6. А. Крикманн, Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы. – ПС, с. 62–104.
7. А. Крикманн, Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы. – ПИ, с. 149–178.
8. Ю. М. Лотман, *Лекции по структуральной поэтике*. Вып. I (*Введение, теория стиха*). Труды по знаковым системам I. Ученые записки ТГУ. Вып. 160. Тарту, 1964.
9. Г. Л. Пермяков, *Избранные пословицы и поговорки народов Востока*. Москва: «Наука», 1968.
10. Г. Л. Пермяков, О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений. – ПС, с. 105–135.

11. Г. Л. Пермяков, *От поговорки до сказки. (Заметки по общей теории клише)*. Москва: «Наука», 1970.
12. Г. Л. Пермяков, *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. Москва: «Наука», 1979.
13. В. Фойт (Vilmos Voigt), Вопросы общей теории пословиц. – *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Tomus 26 (1–2). Budapest, 1977, с. 164–174.
14. Я. Хинтика (J. Hintikka), Языковые игры для кванторов. – *Хинт.*, с. 245–280.
15. М. А. Черкасский, Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы). – *ПС*, с. 35–52.
16. В. И. Чернов, *Философия и фольклор*. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1964.
17. Б. Чумаков, Логическая концептуализация поведения. – *ПМЯИ*, с. 38–60.
18. Б. Чумаков, Оценки и семантика понятий практической необходимости. – *ПМЯИ*, с. 61–69.
19. Х. Ёйм (H. Öim), *Семантика и теория понимания языка. Анализ лексики и текстов директивного общения эстонского языка*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тарту, 1983.
20. İ. Başgöz, Riddle-Proverbs and the Related Forms in Turkish Folklore. – *Prov.* 18 (1972), pp. 655–668.
21. К. Boost, *Neue Untersuchungen zum Wesen und Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld*. Berlin: Akademie-Verlag, 1956.
22. D. Burkhart-Chatzeeliades, Das Sprichwort als Faktum der Kommunikationswissenschaft und der Semiotik. – *Prov. Par.* 2 (1981), pp. 141–171.
23. A. Dundes, On the Structure of the Proverb. – *Prov.* 25 (1975), pp. 961–973.
24. A. Dundes, On Whether Weather ‘Proverbs’ are Proverbs. – *Prov. Yearb.*, pp. 39–46.
25. M. G. Dyer, *The Role of TAUs in Narratives*. (Memo?) New Haven: Yale University, 1981.
26. G. Hasan-Rokem, *Proverbs in Israeli Folk Narratives: A Structural Semantic Analysis*. FF Communications No. 232. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1982.
27. Z. Kanyó, *Sprichwörter – Analyse einer einfachen Form. Ein Beitrag zur generativen Poetik*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1981.
28. Z. Kanyó, Zur Auseinandersetzung mit der Auffassung von G. L. Permyakov. – *Prov. Par.* 2 (1981), S. 121–123.
29. G. Klaus, *Moderne Logik. Abriss der formalen Logik*. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1970.
30. M. Kuusi, Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Strukturanalyse. – *Prov.* 5 (1966), S. 97–104.
31. M. Kuusi, Southwest African Riddle-Proverbs. – *Prov.* 12 (1969), pp. 305–311.
32. M. Kuusi, Towards an International Type-System of Proverbs. – *Prov.* 19 (1972), pp. 699–735.
33. G. Lakoff, M. Johnson, *Metaphors We Live By*. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1980.
34. G. B. Milner, From Proverb to Riddle and Vice Versa. – *Prov.* 15 (1970), pp. 84–85.
35. J. Smedslund, Analyzing the Primary Code: From Empiricism to Apriorism. – *Language and Thought. Essays in honor of Jerome S. Bruner*. New York: Norton, 1980, pp. 47–73.
36. J. Smedslund, Bandura’s Theory of self-efficacy: A set of common sense theorems. – *Scandinavian Journal of Psychology*, 19, 1978, pp. 1–14.